

САЛЕХАРДСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА — археологическая культура эпохи неолита в Нижнем Приобье. Датируется концом IV тыс. до н. э. — III тыс. до н. э.

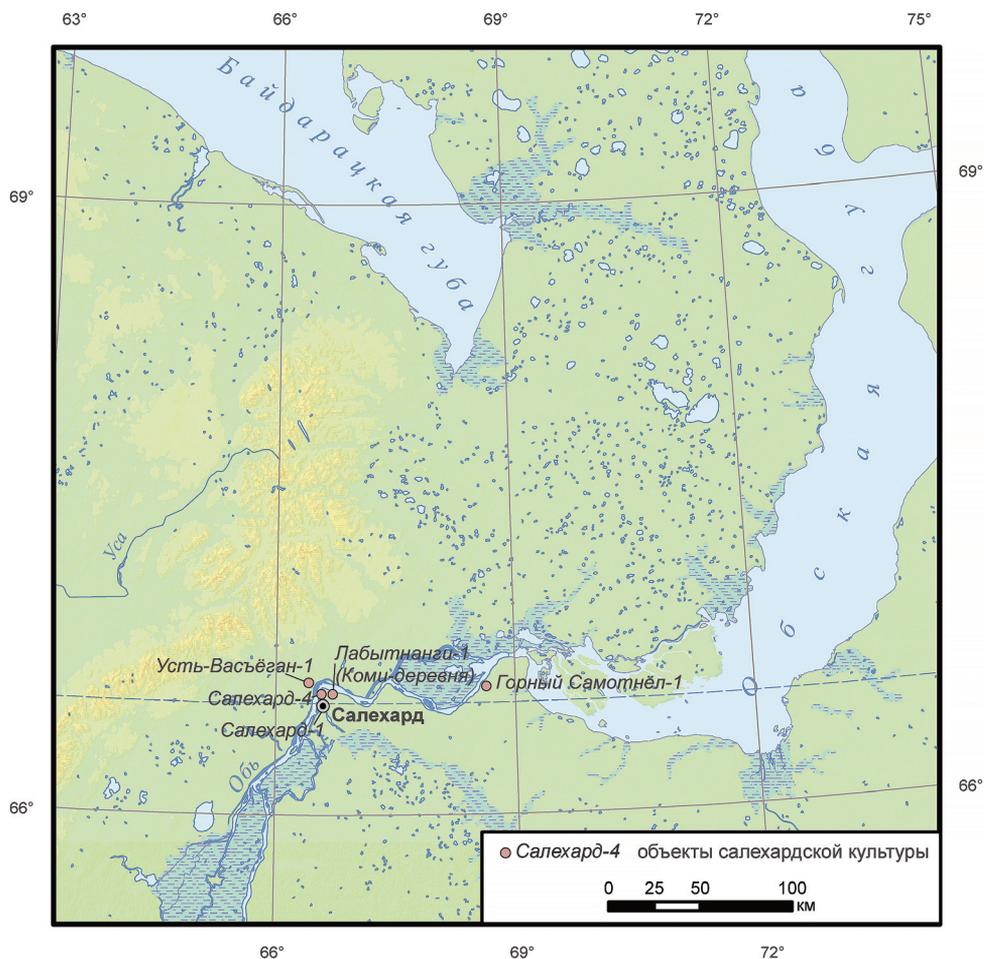
Область распространения

Правобережье реки Оби от города Салехарда до впадения в Обскую губу.

История изучения

Первая небольшая археологическая коллекция из Салехарда, собранная местными краеведами, поступила в Музей антропологии и этнографии в 1926 г. В 1928–1929 гг. в Салехарде проводил археологические исследования Д. Н. Редриков,

полученный материал хранится в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого «Кунсткамера» Российской академии наук (РАН). Основная масса материала собрана им «на холме и в осыпи, где находилась старая деревянная церковь». Д. Н. Редриков указывал, что именно здесь, на холме, по преданиям, была построена первая русская крепость, а до этого холм служил местом пребывания остяцкого князя [Мошинская 1953: 179]. В 1946 г. сотрудники Мангазейской экспедиции, производившие археологическую разведку в Салехарде и его окрестностях, обследовали также и места находок Д. Н. Редрикова [Мошинская 1953]. Разведка на Обдорском холме показала наличие разновременного культурного слоя,

Ил. 1. Карта Нижнего Приобья с указанием расположения основных указанных памятников

состоящего из двух пластов. Этот комплекс исследовали В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская, опубликовав материалы в 1953 г. Комплекс получил название «Стоянка Салехард-1». Материал нижних культурных горизонтов имел более древний облик. Все известные обломки керамики принадлежат сосудам следующих форм: 1) параболоидные, 2) чаши, 3) прямоугольные. Орнамент наносился гребенкой, лопаточкой различных форм (плоской широкой или узкой, желобчатой) и птичьей косточкой. Орнаментальные композиции состояли из различных фигур, преимущественно ромбов, иногда сгруппированных в «треугольники» и «шестиугольники», образующие сотовидные композиции, а также ленты, заштрихованные в одном направлении или решетчатые. Неглубокие чаши украшались сплошной орнаментацией, а на сосудах других форм можно предполагать наличие трех или четырех орнаментальных зон. Кроме графического орнамента, на некоторых сосудах имеются скульптурные украшения в виде ручек, изображавших пушного зверька (вероятно, соболя) [Мошинская 1953: 184]. Коллекция керамики, полученная в ходе раскопок, не имела прямых аналогий в известных на то время археологических культурах. Авторы, основываясь на привлечении весьма широких аналогий из материалов Западной Сибири, Прикамья и Урала, с осторожностью датировали поселение серединой II тыс. до н. э.

В 2004–2005 г. аварийно-спасательные работы на стоянке Салехард-1 выполнялись комплексной научно-исследовательской экспедицией ООО «Научно-производственное объединение Северная археология» с привлечением специалистов Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН. В ходе работ были получены образцы органики, позволившие провести радиоуглеродное датирование и удревнившие возраст нижних горизонтов до энеолита. Также в ходе раскопок были вскрыты одновременные поселению погребения [Кардаш 2013: 54–55]. В 2018 г. при проведении историко-культурной экспертизы земельного участ-

ка в границах достопримечательного места «Культурный слой села Обдорского XVIII–IX вв.» в шурфе, заложенном в Городском саду, было обнаружено погребение, датированное 3011–2639 гг. до н. э. Автор исследования Е. И. Кочегов предположил, что выявленный могильник, получивший наименование Салехард-5, и погребения на стоянке Салехард-1 входят в один крупный погребальный комплекс. Однако, по его же утверждению, прямых свидетельств этому нет, а расстояние между объектами составляет около 200 м [Кочегов 2020: 337].

В 2009 г. в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа жители поселка Аксарка обнаружили на правом берегу Оби поселение, получившее название Горный Самотнёл-1 [Кудрич 2010], керамика которого имеет полное сходство с материалами стоянки Салехард-1. С 2009 по 2014 гг. на памятнике проводились комплексные исследования [Тупахина, Тупахин 2018]. Выгодное расположение в бассейне реки Оби, четкая стратиграфическая ситуация, обилие фактических материалов, а также целый спектр междисциплинарных исследований позволяют рассматривать поселение Горный Самотнёл-1 в качестве эталонного памятника салехардской культуры.

Поселения

Поселения салехардской культуры (Ил. 1) малочисленны и представлены эталонным однослойным памятником «Поселение Горный Самотнёл-1» [Тупахина, Тупахин 2018] и многослойным памятником «Стоянка Салехард-1» [Кардаш 2013: 54–55]. Отдельные фрагменты керамики и каменные орудия салехардской культуры обнаружены на многослойных поселениях Городище Усть-Васъёган-1 [Чикунова, Илюшина 2021], Лабытнанги-1 (Коми-деревня), Салехард-4 [Тупахина, Тупахин 2019], однако культурный слой эпохи неолита на этих объектах не сохранился.

На поселениях исследованы остатки жилых построек, представляющих собой полуземлянки. При строительстве полуземляночных жилищ в качестве основных

несущих опор использовались довольно массивные столбы из древесины, определенной как лиственница сибирская (*Larix Sibirica*).

Могильники и погребальный обряд

В Нижнеобском бассейне в настоящее время известны только два погребальных комплекса салехардской культуры — могильники Салехард-1 [Кардаш 2013: 54–55] и Салехард-5 [Кочегов 2020]. Наиболее информативным на данный момент является одиночное погребение, вскрытое в ходе работ на памятнике Салехард-5 и позволяющее охарактеризовать особенности погребального обряда.

Могила размером 2,6×0,6 м глубиной около 1 м от уровня материка, имеет прямоугольный, со скругленными краями, профиль. В верхней части могильная яма более узкая, что является следствием постпогребального оплыва бортов. Погребение ориентировано на северо-запад, вдоль кромки уступа террасы. Заполнение могильной ямы — иллювиальный желтый песок с кусочками угля и красной охры с размером зерен до 3 см. Уголь и охра встречаются по всей глубине заполнения, однако наибольшее их количество зафиксировано в верхней части и непосредственно над погребенным. На дне могильной ямы сооружены заплечики, уступом снижающаяся нижняя часть имеет размеры 1,5×0,3 м и находится в 2,1 м от современной поверхности. Могильные конструкции не зафиксированы. Из-за плохой сохранности скелета единственным источником информации о погребенном являются фрагменты эмали двух моляров. Размеры могильной ямы, а также место обнаружения эмали зубов в северной части погребения позволяют предполагать обряд вытянутого труположения с возможными вариантами «на спине» и «на боку». Учитывая размеры нижней части могильной ямы, авторы раскопок предположили, что рост погребенного составлял не более 1,5 м, ширина в плечах и бедрах — не более 0,3 м, что соответствовало бы человеку небольшого роста — подростку или невысокой женщине. Един-

ственным источником информации о его физиологии стали фрагменты эмали двух моляров, которые, судя по строению, могли принадлежать одному человеку. Дальнейшие исследования показали, что степень стертости жевательной поверхности зубов соответствовала возрасту 24–30 лет. Тело и сопроводительный инвентарь при погребении были обильно посыпаны минеральной краской (охрой) темно-красного и бордового оттенка, которая состояла из оксида железа и глины. Толщина охристого слоя в районе груди достигала 20 см, на периферии — не более 1 см. В районе живота охра имеет насыщенный темный окрас, что позволяет предположить наличие в этой части угля. Стоит отметить, что покойного не сожгли, поскольку ни кальцинированных костей, ни обгоревших костных останков в могиле не найдено. В сопроводительный материал входили изделия из камня и два керамических сосуда ладьевидной формы. Первый — с округлым в поперечной форме дном и налепами с двух коротких краев (зооморфным с одной стороны и носиком-полуцилиндром с другой) — орнаментирован оттисками углового штампа. Второй сосуд украшен одним налепом в виде головы птицы, орнаментирован дугообразным штампом, предположительно половинкой поперечного среза трубчатой кости птицы. С левой стороны в районе таза лежало украшение из камня, его сохранившиеся детали представлены тремя шлифованными подвесками из сланца и яшмы. Шлифованный сланцевый наконечник стрелы иволистной формы с ромбовидным сечением располагался у правого бедра погребенного. В районе головы находилась колотая кварцевая галька [Кочегов 2020: 333].

Материальная культура

Гончарное производство

Наиболее распространенными были крупные и средние сосуды полуяйцевидной формы без выраженного горла с прямыми стенками и округлым или уплощенным дном (Ил. 2). Также довольно популярной формой являлись чаши различного вида:

Ил. 2. Сосуды поляйцевидной формы крупных размеров.
Рисунок и фото: © О. С. Тупахина, Д. С. Тупахин

прямоугольные, квадратные, округлые, овальные и в форме ладьи. Известны плоские блюдца или крышки, светильники и другие керамические емкости неустановленной формы и назначения. Орнаментация перечисленных выше сосудов сочетает в себе несколько различных стилей — от сотового геометризма, оттисков уголкового штампа и шагающей гребенки до оттисков плоских штампов с фигурной ячеистой нарезкой (Ил. 3). Отличительная черта салехардской культуры — частое украшение сосудов графическими или скульптурными изображениями людей, животных и птиц (Ил. 4). Глиняную посуду в зависимости от размера и формы использовали для приготовления пищи, хранения продуктов или в качестве ритуальной утвари [Тупахина, Тупахин 2013].

У населения салехардской культуры отмечена развитая каменная индустрия, относящаяся к кругу кварцево-сланцевых индустрий. Технологии обработки минерального сырья включали первичную и вторичную обработку, базировались на таких технологических операциях, как сверление, пиление, расщепление, абразивная обработка, ретушь. Исходное сырье не отличалось высокими «потребительскими» свойствами, что связано с общим, характерным в целом для северных регионов ресурсным дефицитом, в первую очередь кремневого сырья. Для изготовления орудий использовались, как правило, материалы, собранные на аллювиальных отложениях береговой линии в непосредственной близости от памятника (галечник, кварцит, сланец). Орудийный набор достаточно разнообразен и включает в себя несколько групп: охотничье вооружение, орудия рыбного промысла, деревообработки, камнеобработки и бытовые орудия труда [Тупахина, Тупахин 2014].

Выделка шкур, плетение

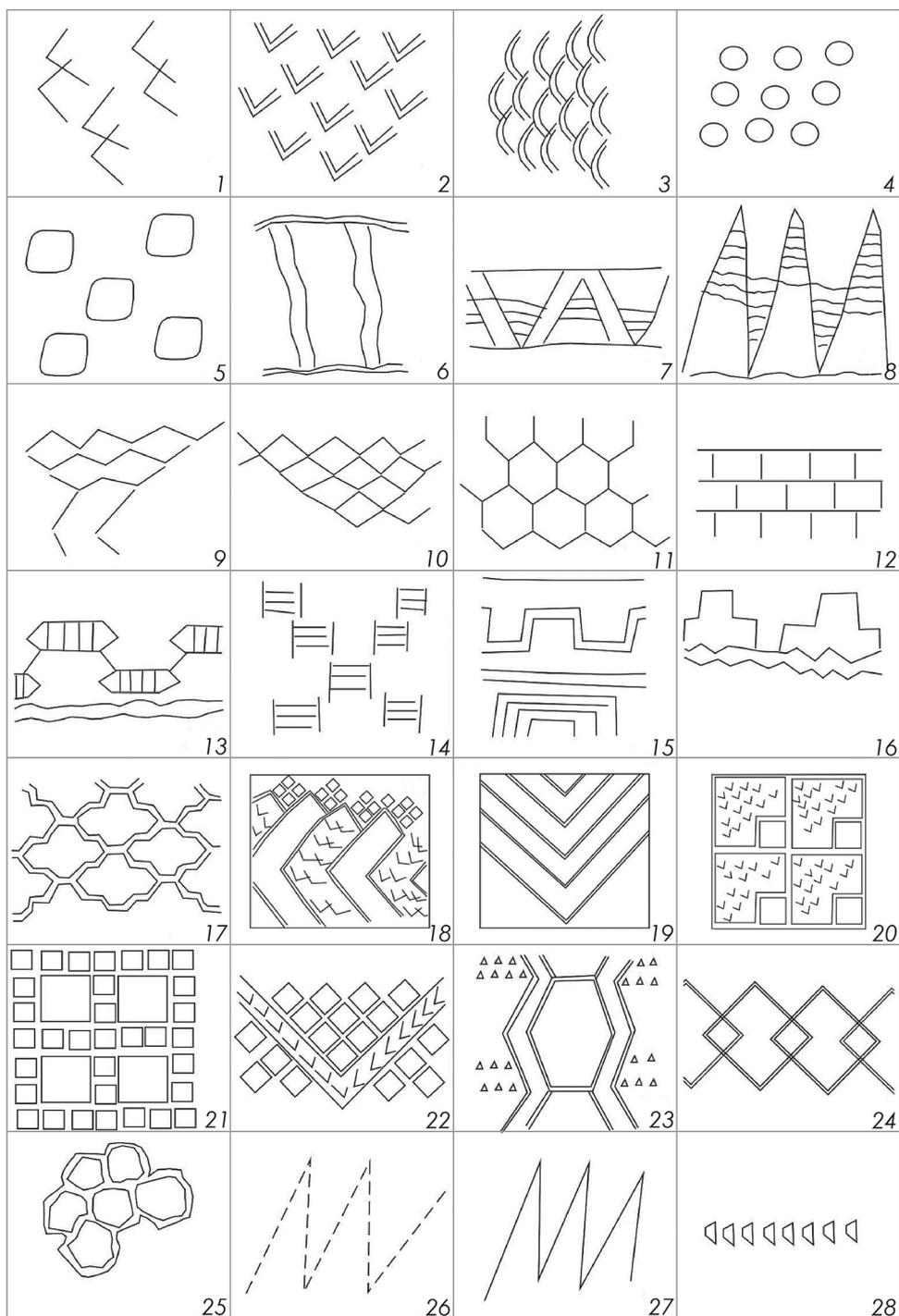
При исследовании жилищ поселения Горный Самотнёл-1 были получены бесспорные доказательства распространения у племен салехардской культуры навыков

плетения. Так, на полу одной из построек были найдены многочисленные остатки рыболовной сети, изготовленной из органических материалов методом спирального скручивания двух тонких нитей и сплетения их между собой в виде крупных (60 мм) ячеек при помощи простого узла (Ил. 5). Нити сохранились также на фрагментах изделий из бересты, они использовались для сшивания коробов, а также полотен, покрывавших пол в жилищах. В некоторых случаях стелили циновки, сплетенные из пучков осоки и тонких веточек ивы. О развитии обработки и выделки шкур свидетельствует орудийный набор археологического комплекса, в котором в большом количестве представлены скребки различных типов и каменные ножи.

Деревообработка

В жилищах были зафиксированы остатки древесины (в виде различных конструкций, а также бытовых и промысловых изделий, углей и т. д.), являющиеся ценными источниками исторической и палеоэкологической информации. Памятники северных регионов зачастую отличаются характерными условиями формирования культурного слоя с образованием многолетнемерзлых отложений, в которых сохранность такого рода находок намного выше, чем в регионах, расположенных южнее. Присутствие на археологических памятниках древесины и изделий из нее, принадлежащих видам, в настоящее время не произрастающим в данной местности, свидетельствует о ландшафтных перестройках экологического генезиса (смещении границ природных зон), а информация о хозяйственном использовании определенных видов древесины может значительно прояснить особенности хозяйственно-экономического уклада древнего населения.

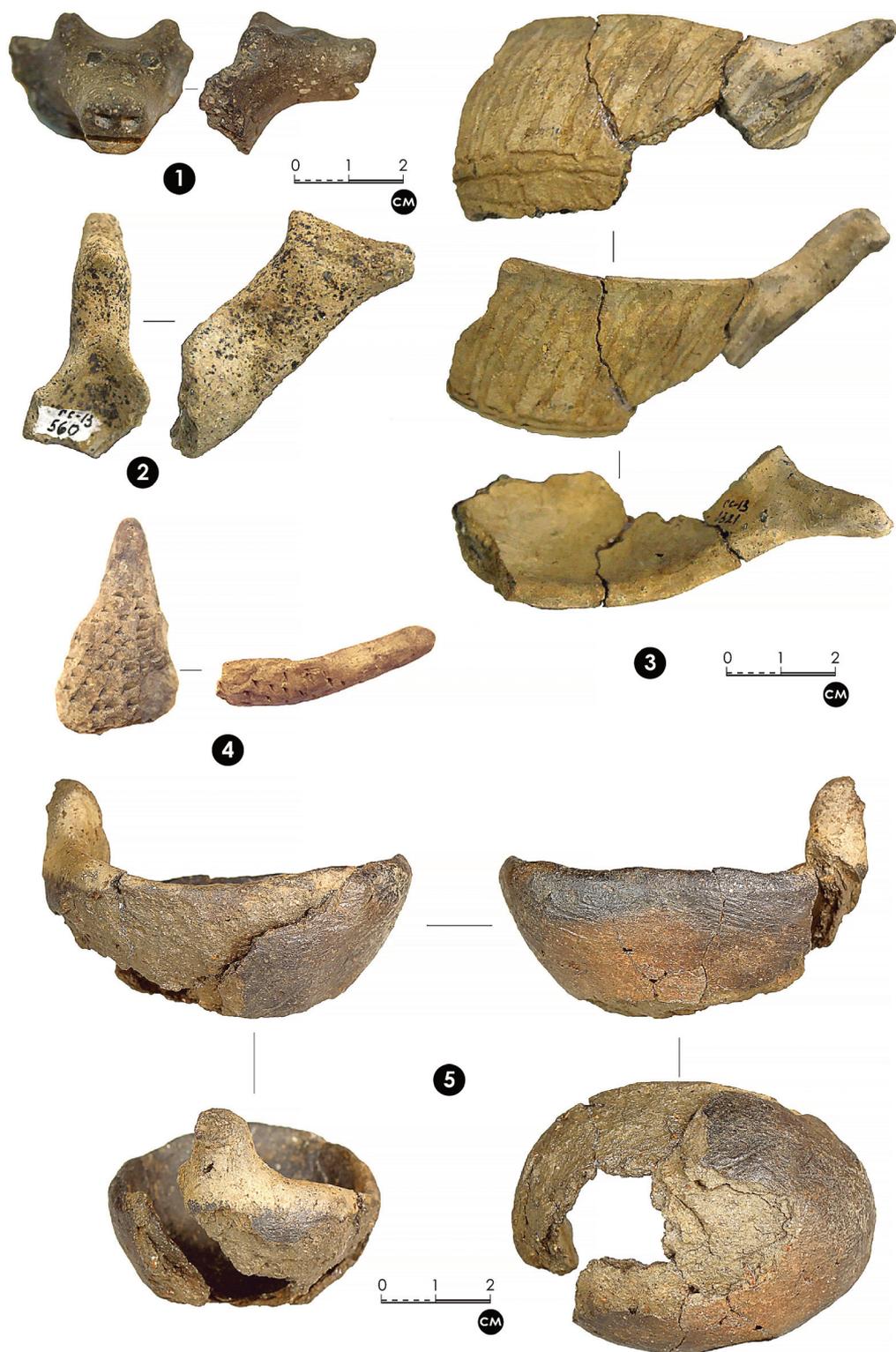
Проведенные исследования показали, что в эпоху неолита климат региона, где располагались поселения, несколько отличался от современного. Граница лесотундры в то время находилась на 200–300 км севернее, а на территории памятников произрастали виды, характерные

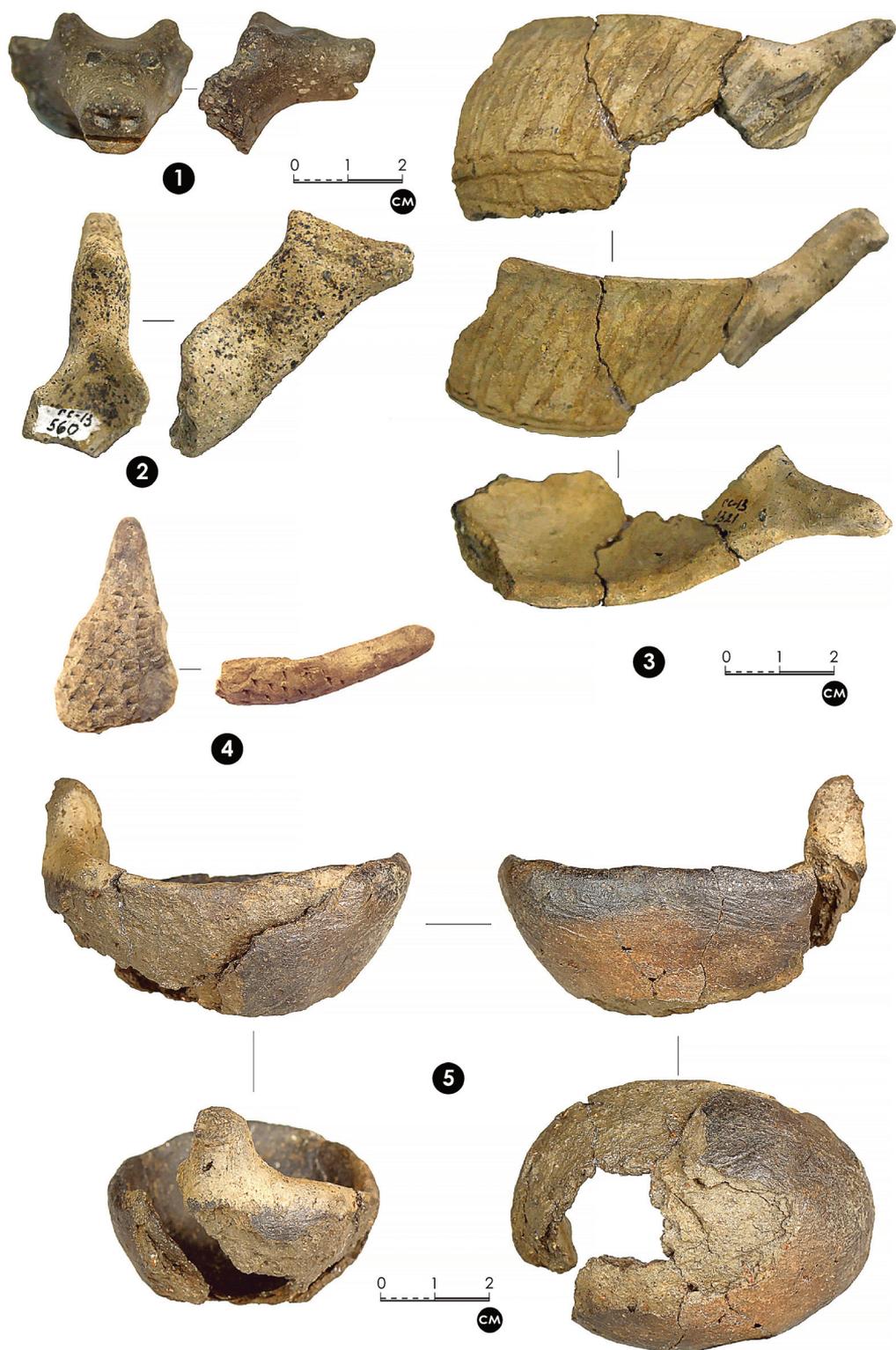
Ил. 3. Орнаментальные мотивы на керамике.

1–3 — оттиски уголкового штампа с острым рабочим краем; 4–5 — оттиски, выполненные костью; 6–16 — прочерченный орнамент; 17–25 — оттиски плоского штампа с фигурной ячеистой нарезкой; 26 — оттиски гребенчатой качалки; 27 — оттиски гладкой качалки; 28 — оттиски гребенчатого штампа.

По: Тупахина О. С., Тупахин Д. С. Поселение эпохи энеолита Горный Сомотнёл-1: материалы и исследования. Омск: [б. и.], 2018. (Археология Арктики; вып. 5. Приложение)

Ил. 4. Скульптурные налеты на сосудах.
 1 — медведь; 2 — волк; 3 — тюлень; 4 — птица (?); 5 — куропатка.
 Фото: © О. С. Тупахина, Д. С. Тупахин

Ил. 4. Скульптурные налпы на сосудах.
 1 — медведь; 2 — волк; 3 — тюлень; 4 — птица (?); 5 — куропатка.
 Фото: © О. С. Тупахина, Д. С. Тупахин

для лесов северной тайги [Тупахин, Тупахина 2013]. При строительстве жилых построек использовалась лиственница (см. выше). Также удалось определить ветки березы (*Betula verrucosa*).

Бревна из лиственницы являлись основной несущих конструктивных элементов построек, они, по всей видимости, после предварительной обработки вкапывались в землю. В конструкции жилища использовались пазовые соединения, что фиксируется по находкам на двух столбах из хозяйственной постройки. Длина сохранившихся столбов составляет более 1 м.

Удалось зафиксировать технологические особенности строительства крыши. Был изучен участок кровли размерами 7,7×5,5 см с максимальной толщиной 3,6 см. Конструкция была многослойной. Первым слоем были проложены полотнища бересты, поверх них — травяная подстилка, на которую укладывались плахи узких перекрытий толщиной 5–7 см. Выше были размещены ветки, сверху закрытые как минимум двухслойными берестяными выстилками. Стоит отметить, что деревянные плахи и особенно маты в виде сшитых между собой крупных берестяных полотнищ фиксировались на уровне пола построек.

Дерево являлось не только одним из главных материалов для строительства, но и важнейшим ресурсом как рыбного, так и охотничьего промысла. Ловля рыбы сетью на большой реке, которая была основным занятием жителей поселения, невозможна без лодок, обласков, калданок или иных плавсредств. Сетевое рыболовство предполагает использование целого набора деревянных инструментов, а также берестяных поплавок и составных грузил, представленных среднего размера гальками, завернутыми в бересту. Что касается охоты, то, исходя из многочисленных этнографических параллелей, можно предположить применение различных ловушек. Нет сомнений, что древнее население вело охоту с помощью лука и стрел (среди артефактов найдено большое количество наконечников).

Кроме того, дерево служило основным топливом, использовавшимся для обогрева жилища, приготовления пищи, а также в

производственных процессах, связанных с обжигом керамической посуды, обработкой шкур и т. д.

Таким образом, можно сказать, что древесина являлась универсальным производственным ресурсом населения эпохи неолита в Нижнем Приобье. Ее наличие в достаточном количестве — один из определяющих моментов сложившейся адаптационной стратегии, предполагавшей постоянное долговременное проживание. Последующая деградация лесного покрова и смещение границы северных лесов наравне с увеличением влажности повлияли на поздние миграции населения.

Хозяйственный тип

Ведущим типом хозяйства, обусловленным ресурсами среды обитания и адаптивной стратегией, позволившей освоить бассейн крупной реки, является развитая форма сетевого рыболовства. Это подтверждается наличием значительных по площади жилищ, многочисленных обитатели которых можно прокоротить только массовым выловом и заготовкой впрок большого количества рыбы. Подтверждением также является обнаружение рыболовных орудий сетевого характера: остатков сети для крупной рыбы, каменных грузил в виде перфорированных дисков и обернутых в бересту галек-кибасов, берестяных поплавок. Основными объектами рыболовного промысла были налим, щука и представители семейства лососевых [Номоконова и др. 2017]. С конца эпохи неолита и вплоть до этнографической современности сетевое рыболовство становится ведущей адаптационной стратегией при освоении бассейнов крупных рек в Нижнем Приобье.

Формы охотничьей деятельности, как и объекты охоты, весьма разнообразны. Основными орудиями были лук и стрелы, но в то же время не стоит отрицать возможность использования различных ловушек и силков. Наибольшее количество исследованных костей принадлежит северному оленю, также найдены кости лося, бобра, волка, гуся, лебедя, чернети, речной утки. Зафиксированные в мелкой

глиняной пластике изображения куропадки, гуся, пушного зверя, волка, медведя, лося и даже тюленя также могут свидетельствовать об их значимости как промысловых животных.

Не менее важным хозяйственным занятием было собирательство. Объектами собирательства могли быть ягоды, травы и коренья. Данное предположение получило доказательство при изучении пищевого нагара на сосудах, когда был проведен анализ стабильных изотопов 21 образца. В четырех емкостях была приготовлена пища со значительной долей рыбы, в десяти — готовилась только наземная растительность и водные растения, а в семи — пища из растений с добавлением пресноводной рыбы. Отсутствие в нагаре следов мясной пищи можно объяснить либо случайностью выборки, либо предположением, что мясо готовилось другими способами, например вялилось, сушилось, коптилось. К собирательству также можно отнести заготовку и специальную обработку бересты, мха и трав, широко использовавшихся в хозяйстве.

Социальная структура и общественные отношения

Важнейшим источником данных для реконструкции социально-экономических отношений в силу ряда объективных причин является жилище, высокий информативный потенциал которого напрямую зависит от совершенства используемых методик. Одно из наиболее разработанных и перспективных направлений — изучение жилища через призму домохозяйства, на основании информации о доме, домовой территории и функционально ориентированных материальных остатках, в контексте взаимодействия с природной средой [*Поселение Быстрый Кульёган-66 2006; Усачева 2014*].

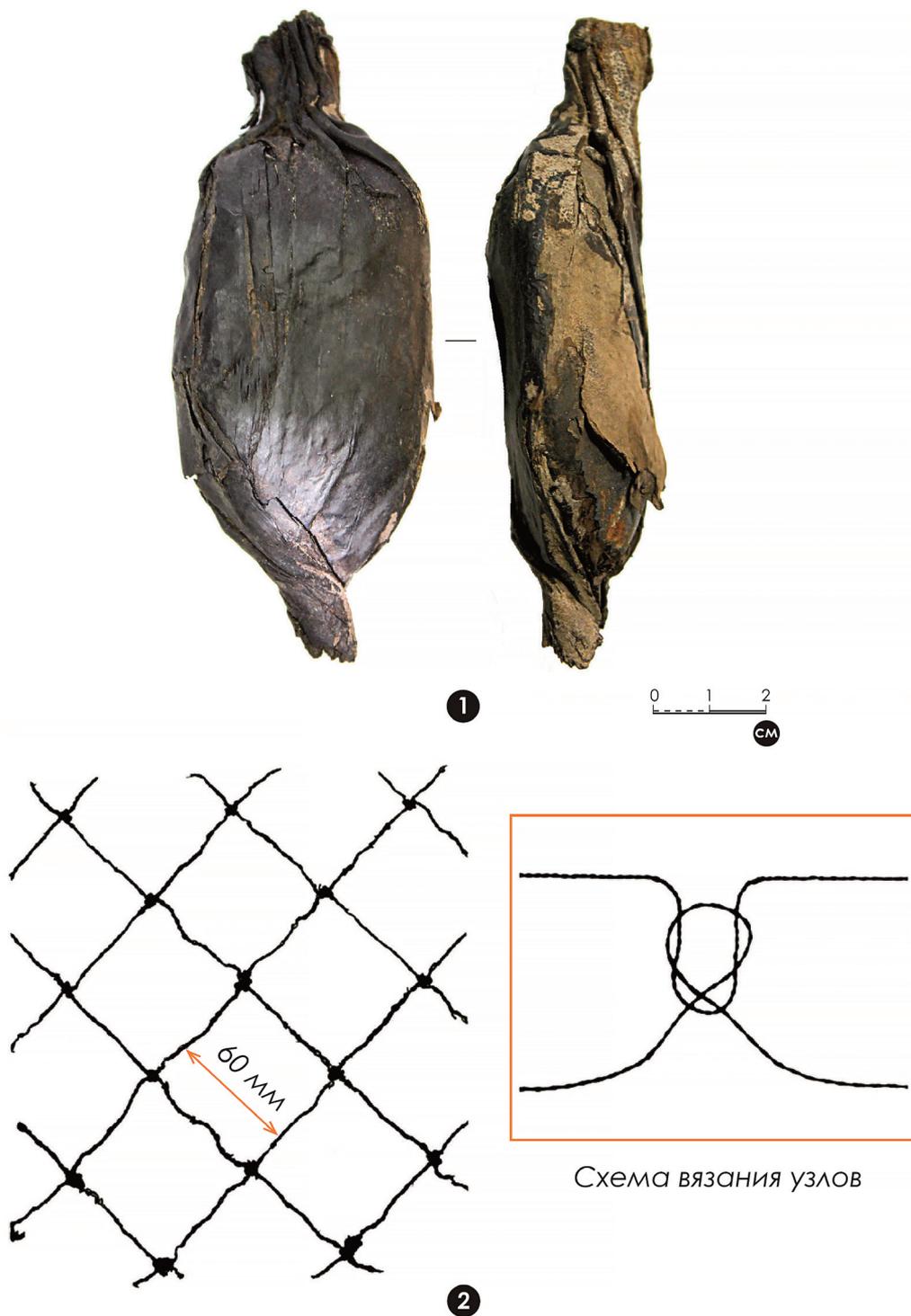
Методические аспекты исследования социальной структуры населения салехардской культуры по материалам поселений основывались на методиках, разработанных при анализе Поселения Быстрый Кульёган-66, относящегося к раннему неолиту (быстринская культура).

Совокупный анализ данных о жилищах салехардской культуры позволил реконструировать социально-экономические отношения. Это были крупные коллективы, проживающие под одной крышей и ведущие оседлый образ жизни на основе развитой формы сетевого рыболовства. Активное употребление разнообразных видов промысловых животных и местной сырьевой базы демонстрирует интенсивное, комплексное использование природных ресурсов, значительно повышающее качество жизни в суровых условиях Севера.

Поселение включало пять домохозяйств площадью от 300 до 700 кв. м, объединенных в общину. В соответствии с усредненным показателем жилой площади 5 кв. м на человека, предложенным Л. Л. Косинской для поселения быстринской культуры Горный Самотнёл [*Быстрый Кульёган-66 2006: 65*], численность жильцов одной полуземлянки могла составлять от 60 до 140 человек. Соответственно, население поселка могло достигать до 400 человек. Жилище разделялось перегородками на производственную, бытовую и хозяйственно-бытовую функциональные зоны. Главным организующим элементом каждой зоны являлся очаг. По ряду признаков производственная зона жилища может быть охарактеризована как «мужская», а хозяйственно-бытовая — как «женская». Поскольку принято считать, что любому обществу свойственно социальное расслоение, допустимо предположить, что в эпоху неолита одним из ведущих структурообразующих принципов коллективов был принцип половозрастной дифференциации. К сожалению, из-за небольшого количества исследованных погребений источниковая база пока не позволяет предпринять попытку реконструкции половозрастной структуры.

Хронология и периодизация

Усредненный возраст поселения Горный Самотнёл-1 по результатам радиоуглеродного анализа (C14), уточненный дендрохронологическим методом, — 3060–2920 гг. до н. э. Могильник Салехард-5 по результатам радиоуглеродного дати-

Ил. 5. Рыболовные снасти.

1 — грузило в берестяной оплетке;
2 — сеть

Рисунок и фото: © О. С. Тупахина, Д. С. Тупахин

рования древесного угля дал следующие даты: 4067±70 лет назад (BP) (SPb_3004), 4089±70 лет назад (BP) (SPb_3012). Кроме того, была проведена датировка жидкостно-сцинтилляционным методом с помощью спектрометра-радиометра Quantulus (ТомЦКП СО РАН). Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный произведена с помощью программы CALIB REV-7.10. Радиоуглеродный возраст — 4250±110, календарный возраст — 2842 г. до н. э. [*Кочегов 2020*: 335].

По совокупности археологических данных и сравнительного анализа с материалами и результатами изучения известных памятников, а также на основании палеопочвенных, радиоуглеродных и других исследований установлены следующие хронологические рамки, укладываемые в один этап развития салехардской археологической культуры: 3060–2842 гг. до н. э.

Ранее памятники данного периода относили к эпохе энеолита [*Тупахина, Тупахин 2018*] по аналогии с южными территориями, где в это время уже был известен металл. Однако отсутствие любых признаков металла и его производных на поселениях свидетельствует, что памятники салехардской культуры принадлежат к эпохе неолита.

Происхождение, этническая принадлежность, влияние и связи с другими культурами

В настоящее время полная картина сложения салехардской культуры остается неясной, можно говорить лишь о некоторых выявленных направлениях. К примеру, традиция прочерчивания орнамента в виде волнистых и прямых линий находит прямые аналогии в ранненеолитической керамике Сургутского Приобья быстринской культуры (материалы поселения Быстрый Кульёган-66). Комплексы с преобладанием фигурно-штампового компонента имеют отдаленное сходство с «вафельной» керамикой, широко распространенной на северо-востоке. Однако в салехардской культуре этот тип орнамента более разнообразен, а орнаменты имеют вид крупного штампа с фигурной ячеистой нарезкой, как мелкой, так и крупной, раз-

нообразных форм (квадрат, ромб, прямоугольник, шестиугольник), что, несомненно, является местным изобретением. Геометрические мотивы также выполнялись при помощи сочетания оттисков и прочерков рабочего края лопаточки. В целом сотовый геометризм — довольно распространенное явление в среднем течении Оби. Однако в традициях салехардской культуры геометрические фигуры выполнены гладким штампом, а не гребенчатым, как на керамике сартынской культуры. Традиции сотового геометризма сохраняются и в более позднем комплексе — поселении Вары-Хадьта-2, относящемся, по версии Е. А. Васильева, к эпохе бронзы [*Васильев 2011*].

Анализ многокомпонентного орнаментального комплекса позволил предложить, что формирование орнаментальных традиций в эпоху неолита на севере Западносибирского Заполярья происходило при непосредственном взаимодействии местного населения с пришлым. Миграции осуществлялись с юга на север по главной водной артерии региона — Оби, а также с востока и с запада. Взаимопроникновение традиций в результате взаимодействия различных групп населения могло происходить в разное время и на разных этапах продвижения. В целом многокомпонентность орнамента, несомненно, является следствием смешения различных традиций, однако вопросы о времени складывания, происхождении и степени взаимовлияния этих традиций остаются открытыми.

Значение

Несмотря на сложность вопросов, связанных с генезисом неолитических культур, к настоящему времени воссоздана достаточно подробная картина хозяйства и быта древнего населения салехардской культуры, установлен круг промыслов, составлявших экономику древнего населения, и их специфические особенности, в общем виде осмыслены традиции строительства и особенности погребальной обрядности.

О. С. Тупахина, Д. С. Тупахин

- Васильев 2011 — *Васильев Е. А.* Культура вары-хадыта и проблемы культурогенеза Северо-Западной Сибири в раннем бронзовом веке // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I / отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: Институт истории материальной культуры РАН, 2011. С. 212–214.
- Кардаш 2013 — *Кардаш О. В.* Обдорские городки XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Полуйский мысовый городок князей Тайшиных. Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013.
- Кочегов 2020 — *Кочегов Е. И.* Погребение эпохи энеолита в Нижнем Приобье // Археология Арктики: сб. / науч. ред. В. В. Питулько, Н. В. Федорова. Омск: Типография «Золотой тираж», 2020. Вып. 7. С. 326–337.
- Кудрич 2010 — *Кудрич О. С.* Керамика поселения Горный Самотнёл как компонент формирования культуры населения низовьев Оби в эпоху энеолита-бронзы // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции, Томск, 19–21 мая 2010 г. / отв. ред. М. П. Чёрная. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 192–194.
- Мошинская 1953 — *Мошинская В. И.* Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде // Древняя история Нижнего Приобья / Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А.; под ред. А. В. Збруевой. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35). М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1953. С. 179–188.
- Номоконова и др. 2017 — *Номоконова Т. Ю., Лозей Р. Д., Тупахина О. С., Тупахин Д. С.* Хозяйственная деятельность населения Нижнего Приобья в эпоху энеолита (по фаунистическим материалам поселения Горный Самотнёл 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 143–150. URL: http://ipdn.ru/rics/va/_private/a36/143-150.pdf (дата обращения: 10.04.2025). DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-143-150.
- Поселение Быстрый Кульёган 66 — Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2006. (Материалы и исследования по археологии Таежного Приобья).
- Тупахина, Тупахин 2013 — *Тупахина О. С., Тупахин Д. С.* Орнаментальные традиции гончарства населения Севера Западной Сибири в эпоху энеолита (по материалам поселения Горный Самотнёл-1) // Переходные эпохи в археологии. Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар, 10–16 ноября 2013 г. Сыктывкар: ИЯЛИ КомиНЦ УРО РАН, 2013. С. 50–52.
- Тупахина, Тупахин 2014 — *Тупахина О. С., Тупахин Д. С.* Стратиграфия и планиграфия поселения эпохи энеолита Горный Самотнёл-1 // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 41–52.
- Тупахина, Тупахин 2018 — *Тупахина О. С., Тупахин Д. С.* Поселение эпохи энеолита Горный Самотнёл-1: материалы и исследования. Омск: [б. и.], 2018. (Археология Арктики; вып. 5. Приложение).
- Тупахина, Тупахин 2019 — *Тупахина О. С., Тупахин Д. С.* Культурная принадлежность и хронология многослойного поселения Салехард-4 в Нижнем Приобье // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 131–138. DOI: 10.17816/snv201984203.
- Чикунова, Илюшина 2021 — *Чикунова И. Ю., Илюшина В. В.* Керамический комплекс городища Усть-Васьеган 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 59–76. URL: http://ipdn.ru/_private/a54/59-76.pdf (дата обращения: 10.04.2025). DOI: 10.20874/2071-0437-2021-54-3-5.
- Усачева 2014 — *Усачева И. В.* Дом и домохозяйство в каменном веке Зауралья и Севера Западной Сибири: возможности социально-экономической реконструкции // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 73–79. URL: http://ipdn.ru/_private/a26/73-79.pdf (дата обращения: 10.04.2025).